

Истюфеев А.В.

Оренбургский государственный университет

КРИЗИС ГУМАНИЗМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В данной статье технократизм рассматривается как характерная черта современной техногенной цивилизации, которая противопоставляется в нынешнее время гуманизму. Технократизм рассматривает средства в качестве цели, выступая в виде современной формы догматического, механистического мировоззрения и деятельности. В подобных условиях и возникает кризис гуманизма, так как в настоящее время технический прогресс явно опережает культурный и социальный. Техника господствует над человеческим сообществом, диктуя свои законы и свою волю, тем самым ведя человечество к деградации.

Мир сегодня находится накануне великого поворота, связанного с исчерпанием прежних, пробужденных эпохой модерна, практик и с угрозой глобальной катастрофы. В этих условиях выносить поспешные вердикты богатейшим культурам Востока за их неприспособленность к постмодерну – опасная самонадеянность. Как сказал Ж. Фурастье, традиционный доэкономический человек жил на земле многие десятки тысяч лет. Он нередко страдал от голода, холода и других неудобств, но во всяком случае доказал свою способность на длительное планетарное существование. Человек новой формации, рожденный модерном, существует на Земле всего две-три сотни лет. Но он успел нагромоздить столько роковых проблем, что остается неясным: будет ли он существовать завтра [1].

Человеку модерна крайне потребны культурные источники поворота к альтернативным практикам в планетарном масштабе. Здесь изобретательности технического разума, гордого своими завоевательными эпопеями, совершенно недостаточно. Человек рубежа II-III тысячелетий нашей эры получил такой вызов, на который невозможно дать ответ, не прервав инерцию модерна и не отвергнув связанные с ним стереотипы. Если перед лицом этого вызова он станет цепляться за старые установки фаустовской культуры и еще раз возомнит себя покорителем Вселенной, природа может просто расстаться с ним.

Ускорение темпов общественного развития, свидетельствующее о способности человека влиять на ход событий, добиваться поставленных целей, быстро решать возникшие проблемы, чревато возможностью развития

кризисов и катастроф, которые могут быть результатом неуправляемости происходящих событий, утраты контроля над ними.

Дело в том, что в настоящее время техника уже не в состоянии корректировать самое себя. В этом смысле всякие утопии, связывающие желанное обновление с переходом от конвейерного производства к автоматизированному, от промышленного общества к информационному, представляют собой наивные самообольщения технического разума. Поэтому базой действительных изменений качественного характера может быть только культура – если ее память не убита самонадеянной нейрохирургией технократов-модернизаторов.

В связи с этим вполне понятно, что понятие технократизма в философии противопоставляется понятиям гуманизма и гуманитарности. Технократизм предполагает частичность, односторонность, жестокость, однозначность, рассмотрение средства в качестве цели, выступая в виде современной формы догматического, механистического мировоззрения и деятельности. Подобного рода способ взаимодействия с природой, базирующийся на механических принципах, заложенных в технике, диктует человеку определенный способ поведения и мышления. Этот способ закрепляется в мышлении и распределяется на другие сферы человеческой жизни.

В этих условиях человек не может выйти за рамки ограниченности, частичности, узости мышления, развернуть универсальное богатство своего потенциала. Технократическое понимание человека отражено в идеале его всесторонности, рассматриваемой как механическое соединение всех положительных сторон. Но в этом случае реальная

целостность остается за пределами познания, а в наличии имеется лишь множество черт, механически сведенных воедино. Человек при таком подходе рассматривается в противоречивом единстве системы «человек – условия его существования». Он элемент системы, винтик, который не обладает собственной ценностью.

Технократическое понимание человека выразилось в его отделении от условий его существования, которые гармоничны его природе. Человек утратил связь с природой в ритме своей повседневной деятельности, диктуемой другими ритмами ускоряющегося прогресса, отпал от органичности и целостности. Человек ограничен обществом, людьми, социальной группой как пространственно, так и творчески. Его отношения с природой также тотально детерминированы обществом и культурой, что приводит к неадекватности его сущности и разрыву всех связей с миром, частичному одномерному существованию.

Техника представляется как надсоциальная и надчеловеческая данность, имеющая свою внутреннюю логику и свои законы развития. Техника становится автономной, так как способна к саморазвитию, безграничному совершенствованию собственных параметров. Развитие техники на поверхности социального тела выглядит прогрессивно, однако нарушает равновесие материальных и духовных сил, что ведет к диспропорции культуры и цивилизации, от чего произрастает кризис.

Технический прогресс в наше время явно опережает социальный и культурный. В настоящее время техника господствует над человеческим сообществом, диктуя свои законы и свою волю. Примером может служить то, что многие впадают в зависимость от Интернета, от компьютера, в психдиспансерах появляются новые больные с нарушением психики, зомбированные компьютероманы.

Техника материализует волю разума человека-завоевателя и человека-хищника («Raubtier», по Шпенглеру). Такое видоизменение статуса техники в обществе узаконивает завоевательное и потребительское отношение к природе, ведущее к экологичес-

кому, моральному и духовному кризису. Технологический детерминизм как течение был свойственен почти всем западным социологическим концепциям, например Сен-Симона и Веблена. Центральная идея технической цивилизации – это идея власти технических специалистов или носителей технической рациональности. Технократы постепенно заполонили мир. Об этом писали многие философы начала XX века. Вся экзистенциальная философия направлена против обездушенной технократической и обезбоженной реальности и выступает за творческое самобытие, самораскрытие человека, утверждение свободы, индивидуальности и субстанциальности в культуре. Самой глубокой основой технократизма как способа мышления является нарушения исконной органической целостности, утраты связей с корнями Бытия, онтоса. Происходит процесс тотальной дезонтологизации, о чем писали Ясперс и Марсель. Это проявляется в разбалансировке понимания взаимодействия материи и духа, дисбаланса культуры и цивилизации, Эроса и Танатоса.

Техника создает одномерно-количественный подход, потому что она по своей сущности и предназначению явление массовое. И, функционируя в обществе, она многократно усиливает, размножает те стороны нашего мышления, которые являются односторонними, которые ориентированы на жесткий схематизм, механистичность, линейность и стандартизацию, о чем писали все франкфуртские мыслители: Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и др.

Одномерный человек с одномерным мышлением выступает как закономерный продукт цивилизации у Г. Маркузе. Истоки же традиции противостояния технократизму восходят к XVIII веку, когда тенденции нарождающегося технократического мышления и деятельности человека чутко уловили Гете и Шиллер. А позже эту идею развили Гегель, Маркс, Бальзак, Достоевский, Толстой, Томас Манн. Развитие общества закономерно привело к расширению и укреплению технократизма, где техника стала объективной ступенью человеческого развития, необходимой формой отношения чело-

века к миру. А сегодня она является трагической данностью прогрессивных тенденций, которая постепенно становится способом постижения мира и способом бытия человека.

Технократизация человека была проанализирована экзистенциалистами не просто как внешнее, механическое примыкание его к техническому миру и даже властвование над ним и посредством его, но как внутреннее переустройство самого человека, его рациональности, чувственности и понимания им своей роли в обществе. Н. Бердяев писал, что «стремление к целостности и органичности мы унаследовали от прежней, природно-органической эпохи». Техническая же эпоха закрывает дорогу этому стремлению. Она «требует от человека фабрикации продуктов, и притом в наибольшем количестве при наименьшей затрате сил. Человек делается орудием производства продуктов. Вещь становится выше человека» [2, 45].

У Хайдеггера техника подчиняет себе все пространство бытия, присущая ей логика пронизывает сознание эпохи. «Она не просто атрибут индустрии, а способ самореализации человечества. Она не просто инструмент, а универсальная ценность вселенского масштаба. Ее статус равняется статусу истины» [3, 21]. Техника становится способом обнаружения, раскрытия, «выведения из состояния потаенности» глубинных свойств бытия. Через нее человек говорит с бытием, слышит зов Бытия. Человек должен понять и внетехнический фундамент техники, так как сама техника не есть средство в руках человека, а наоборот, человек становится средством, рабом во власти машины.

Г. Марсель называет современного прогрессивного человека новой технической организацией «тотализованным универсумом технической рациональности» и «технической экстраполяцией». Он считает дух абстракции ядром современной цивилизации. Марсель видит переоценку роли техники, составляющую душу современной цивилизации, где под техникой он понимает навык, предназначенный для покорения мира. Человек почувствовал себя центром Вселенной и переоценил мощь своего разума по по-

рению внешнего мира. Научно-технический разум становится центром новой «технической цивилизации», которая грозит полной дегуманизацией мира.

Это один из парадоксов истории, где гуманизм переходит в свою противоположность – антигуманизм. Отсюда следует, что при возрастании роли техники в техногенной цивилизации отчуждается человек, превращаясь в технический элемент, деталь технической цивилизации. Попадая в ее измерение, он становится приложением к научно-технической реальности, «человеком-механизмом» («Homo mechanicus») и «человеком-потребителем» («Homo consumers», по Э. Фромму). Анализируя современную западноевропейскую цивилизацию, Марсель полагает, что техногенная цивилизация разрушает духовно-ценностное содержание культурно-исторической традиции. Над «духом мистерии» возобладал «дух техники», покоряющий действительность, который может манипулировать ею. Этот процесс завершается тотальным манипулированием общественной жизнью и сознанием человека.

Глобальную идею технократизма как конкретный образ организации развил в своих трудах Л. Мэмфорд. При своем возникновении техника была связана со всей природой человека. Ее сменила «монотехника, целиком посвященная увеличению власти и богатства путем систематической организации повседневной деятельности» [4, 12]. Эту первичную коллективную машину – иерархическую организацию общества и труда, «человеческую модель всех последующих машин», – Мэмфорд называет Мегамашинной. Всеобщая машинизация, по словам автора, не совместима с дальнейшим развитием потенциальных возможностей человека.

Воплощением принципа Мегамашины, по Л. Мэмфорду, стал образ «Человека-Организации»: «Система, как таковая, является продолжением такого человека – от самых примитивных форм политической власти он выступает одновременно и как творенье, и как создатель, и как последняя жертва Мегамашины» [4, 12]. Человек-Организация, по Л. Мэмфорду, есть связующее звено меж-

ду древним и современным типом Мегамашины. Он не есть изобретение нынешней эпохи или исключительно продукт современной техники. Лучшими считаются те его качества, которые соответствуют данному типу машины.

Концепция Мегамашины, как универсального принципа мышления и деятельности, предложенная Л. Мэмфордом, выглядит еще глубже и богаче, чем концепция «инструментального разума» в современной немецкой философии и социологии, в которых присутствуют те же черты механистичности, рассудочности и «обесчеловечивания». Высокий инженерный профессионализм является гарантией односторонности мышления, о чем пишет в своих трудах Х. Люббе. Но «инструментальный разум» не выходит за пределы технических обществ. Х. Люббе считает, что необходим путь профессионального совершенствования в рамках существующей технократической системы. Л. Мэмфорд же предлагает разрушение Мегамашины, осуществление автономности и самоуправления, самоосуществления личности за счет восстановления целостности «путем предоставления простора каждой составной части человеческой личности, а не только тем функциям, которые служат научным и техническим требованиям Мегамашины» [4, 13].

Важно отметить, что в природе самой машинной цивилизации, которая базируется на концепции науки Нового времени, уже заложена возможность технократизма. «Знание – сила» – это и есть девиз мышления и мироощущения эпохи, в котором заложена возможность технократизма, порождающего упрощенный образ мира. Именно в этих условиях и появляется возможность возникновения мира машины.

С точки зрения религии проблема технократизма была глубоко проанализирована Н.А. Бердяевым. Он выделяет четыре черты нового типа духовности, ознаменовавшего победу цивилизации над культурой:

1. Устранение искусства и философии, замена их инженерным искусством.
2. Переход к новому типу этики – от миссии хранения и продолжения творения к господству над ним в своих целях.

3. Господство «философии обладания» над «философией бытия» (об этом же писал Э. Фромм).

4. Утрата выхода в вечность, возможности созерцания Бога, истины, красоты [2, 46].

Технократизм в философии противопоставляется культуре, которая целостна, имеет целостное ядро, сердцем которого является религия, и осознает метафизические корни своего бытия, где технократизм предстает деструктивным инородным элементом. Но он – составляющая часть социального бытия и элемент ее, постоянно возбуждающий и провоцирующий мышление к конструкциям иного типа. Культура должна «снимать» ограниченность технократизма. Технократизм рождается в лоне и выходит из лона культуры, но, отпав от нее, он начинает самостоятельно диктовать условия существования культуры и человека – творца культуры. Диктуя новый способ существования, технократизм ведет цивилизацию в тупик, к вырождению и катастрофе. Технократизм становится глобальной характеристикой мышления и деятельности человека. Он имеет глубокую традицию в общественном сознании, которая связана с наукой, мышлением Нового времени, с изменением характера человеческой деятельности и возникновением реальной угрозы деформации природы человека. Суть технократизма – в нарушении целостности человека, закреплении односторонности, частичности, одномерности, «линейности» его мышления и деятельности, их запрограммированности, связанности и обусловленности.

Технократизм в культуре неотделим от отчуждения и превращения культуры, которая должна быть основана на Эросе, в антикультуру, которая основана на Танатосе, из чего рождается культурная некрофилия. Она возникает как результат мышления, ограничения, усечения, искоренения органически присущего, смыслообразующего момента Бытия. Это – результат утраты собственности в смысле жизнедеятельности человека, его сущностной стороны, ибо собственность продуцирует целостность, которая в ходе развития оказывается отчужденной от него и часто ему же противопоставленной. Тех-

нократизм разрывает связующее звено всех человеческих взаимоотношений, социальных институтов, продуктов труда и творчества, он убивает самое главное – дух творчества, любви, радости, смысла жизни, заменяя его безличным повиновением, мертвыми социальными структурами, обезличенной властью и законами. В таком обществе нет места человеку, у которого еще осталась душа с вечными ценностями. Так же он разрушает представления человека о моральном и эстетическом.

Человек технотизированный полностью забывает о прекрасном, он не испытывает вдохновения ни от работы, ни для создания чего-то нового, он не видит пользы морального, ибо быть моральным становится бессмысленно для человека организации, так как он – часть большего технотизированного, и вместе с тем аморального «общества-машины», технополиса, или Мегамашины. Законы в этом технополисе таковы, что чем быстрее освобождаешься от морали, тем легче выжить в этой огромной смертоносной машине, где все регулируется, стандартизируется, управляемо по шаблону (тоже аморальному), куда не вписываются вечные истинные законы морали и красоты, основанные на благе всеобщего. За эти принципы в свое время боролся Платон («Справедливость – высший закон государства»), и за это ратовал И. Кант: «Поступай так, чтобы максима твоей воли соотносилась с всеобщим благом»!

Эти ценности рухнули с приходом техногенной цивилизации и приходом технократического разума. Технократический разум также породил вечно скучающего человека-потребителя, для которого ценности заключены только в материальном достатке и оснащении.

Наступило время глобальной деструкции и деконструкции человеческого сознания, в котором нет места культурным традициям, понятиям целостности человека и гармонии, определяющей смысл его Бытия. Утрата гармонии с миром рождает болезненные, искаженные представления о мире и о себе, больные мысли порождают нездоровое мировоззрение, оно в свою очередь порож-

дает безнадежно больные и деструктивные социальные «структуры»: мертвенные некрофилические институты и учреждения образования (пример – тоталитарные секты, интернет-клубы, шоу-бизнес, платные эротические услуги, иногда по телефону и Интернету). Человечество встало перед фактом образования антиэстетической действительности и в материальном и в духовном пространстве Бытия.

Исходя из этого, возникает проблема восстановления, воссоединения осколков бытия, исцеления кровоточащих ран бытия, срастания самого раздавленного и деформированного бытийного скелета и ядра бытия. На помощь умирающему бытию может прийти религия, которая как раз является главным связующим и смыслообразующим ферментом мировой истории.

Проблема синтеза, восстановления его целостности из руин раздробленности и частичности включает целый ряд моментов изменения мышления. Необходимо преодоление технократического мышления в культуре, но чтобы «победить» технократов, необходимо найти средство борьбы с ними, или тактику поведения, направленную на их нивелировку. Для этого необходимо:

- 1) вернуться к целостности человека;
- 2) восстановить его содержательную целостность с точки зрения идеала всесторонности;
- 3) достичь целостности системы «человек – условия его существования»;
- 4) добиться целостности и единства самой науки о человеке.

Именно на путях интеграции и целостности возникает синергетическая концепция И. Пригожина, который дал новый способ мышления, создав междисциплинарный подход. Он преодолевает традиционное отождествление целостности с равновесностью. Сама равновесность становится моментом, стороной развития системы. С точки зрения кибернетики неравновесное состояние – это то, что разрушает устойчивость и целостность, с точки же зрения синергетики, оно не источник гибели, а основание становления упорядоченности, структурного оформления. Синергетика основывается на представлениях о принципиальной нелинейнос-

ти реальных процессов, включающих вместе с тем узкий спектр явлений линейной природы. Отсюда универсальность синергетики. Возможность «отбора» системой в неравновесном, возбужденном состоянии внешних структурообразующих факторов снимает противостояние не только между живой и неживой природой, но и между жизнью и «обычными» законами физики. От изучения состояний целого мы переходим к изучению его динамики. Идеи конструктивной неравновесности, неустойчивости для процесса развития системы, роли случайности в этом процессе позволяют по-иному взглянуть и на систему научного знания, представить и развитие как вероятностный процесс самоорганизации и саморазвития творческой деятельности. К этой концепции близка теория диалога и полилога В.С. Библера, развивающая, в свою очередь, идеи М.М. Бахтина. С этой точки зрения система знания, как целостность, по преимуществу неравновесна, ибо она есть постоянная переключка субъектов науки, постоянное изменение смыслов научных феноменов в свете все новых их взаимодействий, появление все новых участников развития и «высвечивания» ими новых черт и сторон участников прежних. Все это В.С. Библер соотносит с наукой как феноменом культуры и видит в таком подходе больше перспективы, чем в традиционном понимании развития науки по схеме ее диалектического «восхождения», когда ценность предшествующих феноменов «снимается» ценностью настоящих.

Синтез и синергетика – это средство борьбы против технократизма. Необходим процесс преодоления господства технократического мышления и формирования новой синергетической парадигмы мышления. Должен сформироваться антитехнократический

тип мышления, не ориентированный на машинообразие, догматизм, односторонность, жестокость, которому будет соответствовать и новая система общих представлений о природе, или новая картина мира, более сложная и многомерная, уточняющая место и роль человека во Вселенной, возможно, совершенно необычная с точки зрения повседневного «здорового смысла». Эта новая картина мира станет великим завоеванием человека и, возможно, качественно изменит его самого, возвращая науку в лоно культуры. Если мы хотим вернуться к гуманизму, необходимо создать новую ценностную науку о человеке, которая предполагает его целостность. Всесторонность человека техногенной цивилизации должна замениться органической целостностью, а в социальных системах – интегральностью, которая невозможна без познания законов Вселенной и средств достижения ее мудрости, без трансценденции.

Тем не менее, западные мыслители современности единодушны в признании кризиса гуманистической культуры, но их понимание его истоков и путей преодоления сложившейся ситуации являет собою мозаику разнообразных идей и мнений. Трагические коллизии XX века заставили по-новому взглянуть на судьбу человека в современном мире. После Колымы и Освенцима философия культуры уже не может питать розового оптимизма относительно автоматического торжества гуманистических начал в жизни человечества. Многие реалии конца столетия, связанные с совместными усилиями людей планеты по разрешению глобальных проблем по предотвращению клиоцида, с крушением коммунистического тоталитаризма и все более широким признанием достоинства демократических ценностей оставляют, однако, пространство для надежды.

Список использованной литературы:

1. Fourastie J. Lettre ouvert a quatre milliards d'hommes. Paris, 1970.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
3. Губман Б.Л. Западная философия культуры XX века. Тверь: Изд-во «Леан», 1997.
4. Мэмфорд Л. Миф машины // Вестник МГУ.– 1992.–№1.
5. Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997.
6. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Назрань, 1999.
7. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
8. Моисеев Н.Н. Грядущие десятилетия: трудности и перспективы // Социально-политический журнал. 1994. №1-2. С. 30-50.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: ИНИОН. 1991.